

«Государь» Макиавелли и «Медный всадник» Пушкина (политико-философские параллели)

Уважаемые коллеги! Я буду говорить о влиянии трактата «Государь» на русскую культуру. И остановлюсь главным образом на политико-философских параллелях «Государя» Макиавелли и «Медного всадника» Александра Сергеевича Пушкина.

Трактат «Государь», 500-летие которого мы отмечаем, обладает оригинальной текстовой структурой: философская концепция здесь не предшествует основному корпусу назидательных исторических примеров, а завершает и обобщает их.

Ключевой политико-философский смысл «Государя» сформулирован в предпоследней, 25-й главе, которая называется: *«Какова власть судьбы над делами людей и как можно ей противостоять»*. Я здесь использую привычный для себя вариант перевода «Государя» Галины Даниловны Муравьевой. Впрочем, все профессиональные переводчики – и Марк Аркадьевич Юсим, и расстрелянный в Большом терроре Михаил Соломонович Фельдштейн – одинаково хорошо понимали ключевое значение этой главы, относились к ней особенно внимательно и поэтому варианты перевода отличаются незначительно.

В 25-й главе «Государя» Макиавелли дает следующее определение «фортуны» или «судьбы»: «Я уподобил бы судьбу бурной реке, которая, разбушевавшись, затопляет берега, валит деревья, крушит жилища..., все бегут от нее прочь, все отступают перед ее напором, бессильные его сдержать».

Больше двадцати назад, уже не первый год читая курсы политической философии, я обратил внимание (и, к моему удивлению, оказался здесь первопроходцем) на то, что главным героем пушкинского «Медного всадника» является как раз разбушевавшаяся река, наводнение, которое в итоге обуздается «Медным всадником», пушкинским воплощением Петра Великого. В свое время я написал об этой очевидной перекличке смыслов «Медного всадника» и «Государя» в книге «Реформатор. Русские о Петре Великом» (1), а потом и в монографии «Новое варварство как проблема российской цивилизации» (2), написанной на основе моей докторской диссертации. С тех пор идея о том, что «Медный всадник» является русским парафразом на тему «Государя» Макиавелли, неоднократно мною уточнялась, и, я надеюсь, усилилась.

Пушкин, разумеется, прекрасно знал Макиавелли. Еще с Царскосельского лица, где Макиавелли не раз упоминался в курсах любимых пушкинских преподавателей – Александра Петровича Куницына (профессора этики, политической науки и права) и профессора русской и латинской словесности Петра Егоровича Георгиевского. Известно, что основные труды Макиавелли (во французском переводе) находились в личной библиотеке Пушкина, а сам Макиавелли не раз упоминался в произведениях поэта 1830-х годов, т.е. как раз в тот период, когда был написан и «Медный всадник» (как известно, это осень 1833 г.). Толчком к написанию «Медного всадника», на мой взгляд, явилось наводнение в Петербурге 1833 г. (чему

он был очевидцем), которое заставило поэта вспомнить гораздо более разрушительное и страшное наводнение 1824 г.

Как следует из Макиавелли, обуздать фортуна может только личная «доблесть» (*virtu*) «Государя», призванного возвести «заграждения», «плотины» на пути стихийного разлива бурной реки. Макиавелли пишет: «Судьба... являет свое всесилие там, где препятствием ей не служит доблесть, и устремляет свой напор туда, где не встречает возведенных против нее заграждений... если государь всецело полагается на судьбу, он не может выстоять против ее ударов». Макиавелли прямо упрекает современных ему правителей разъединенной Италии в фатализме и в итоге в бездействии, противопоставляя им гораздо более благополучные Германию, Испанию и Францию. Макиавелли пишет: «Взгляните на Италию, захлестнутую ею же вызванным бурным разливом событий, и вы увидите, что она подобна ровной местности, где нет ни плотин, ни заграждений. А ведь если бы она была защищена доблестью, как Германия, Испания и Франция, этот разлив мог бы не наступить или, по крайней мере, не причинить столь значительных разрушений».

Кстати, Пушкин в «Медном всаднике» показывает нам императора Александра I, в 1824 г. фаталистически глядевшего на бедствие с балкона Зимнего дворца. Читаем у Пушкина:

*«...В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен вышел он
И молвил: "С божией стихией
Царям не совладать..." Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел».*

Как тут не вспомнить слова из 10-й главы «Евгения Онегина»:

*«Властитель слабый и лукавый
Плешивый щеголь, враг труда
Нечаянно пригретый славой
Над нами царствовал тогда».*

«Нечаянно пригретый славой» царь Александр Павлович, «баловень судьбы» – это очевидная пушкинская антитеза истинному «Государю», «властелину судьбы» Петру Великому.

Что же за тип «Государя» у Макиавелли может противостоять фортуне? Об этом Макиавелли говорит в 18-й главе «Государя». Здесь содержится известное определение истинного «Государя» как персонажа двойной природы: человеческой и животной одновременно. Поскольку «с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой» (при этом «первый способ присущ человеку, второй – зверю»), то, делает вывод Макиавелли, «Государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя».

Любой прилежный студент-политолог (а таких сегодня в зале много) знает то место из 18-й главы «Государя», где Макиавелли пишет, что из всех зверей Государь должен уподобиться двум – льву и лисе: «Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана» и т.д.

Однако мало кто вспоминает (знаю это по собственному опыту преподавателя) буквально соседнее место, где после слов «Государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя...» Макиавелли пишет следующее: «Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники получеловека-полузверя, как не тот, что государь должен совместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы?»

Этот фрагмент мне понадобился для того, чтобы еще раз указать на прямую перекличку образа Государя у Макиавелли и «Медного всадника» у Пушкина. Ведь «Медный всадник» – это и есть Кентавр, «получеловек – полузверь». «Медный всадник», разумеется, – это вовсе не царь Петр на коне; это новая сущность: Государь-Кентавр. И, разумеется, именно к нему, как к философскому образу, а не к просто к лошади под всадником обращены слова Пушкина:

*«Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?»*

И заметьте, сразу же, в следующей же строке, у Пушкина фигурирует «Судьба»:

*«О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?»*

Главная идея Макиавелли в «Государе» – очевидна. Судьба, фортуна – это проявления первичного хаоса. Государь же – воплощение Цивилизации, этот Хаос обуздывающей.

Об этом же – у Пушкина. Наводнение у него – выплеск «варварской стихии»:
*«Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась...».*

Или:

*«Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна...»*

:

«Медный всадник» Пушкина – это воплощение истинного «Государя», Петра Великого, в свое время победившего фортуна и выстроившего каменную крепость на

диких финских болотах, и теперь снова побеждающего наводнение, этот новый выплеск «злой фортуны» и «варварства»:

*«Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побеждённая стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!»*

Тема пушкинского «Медного всадника», как русской вариации на тему «Государя» Макиавелли», получила интересное продолжение в русской культуре. Приведу лишь два примера – роман Андрея Белого «Петербург» и историософскую публицистику Георгия Петровича Федотова.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в своих комментариях к академическому изданию романа Андрея Белого «Петербург» называл это произведение прямой полемикой с поэмой Пушкина: «В самой острой форме "Петербург" Белого противостоит "Медному всаднику" Пушкина и одновременно как бы продолжает и развивает его идеи... Терроризм государственный и терроризм индивидуальный развенчиваются Белым, с того и с другого сдирается всякий налет романтизма». Действительно, все герои "Петербурга" Белого, все так или иначе проходят мимо памятника Петру Великому на Сенатской площади. И этот «Медный всадник» работы Фальконе стоит прямо против фасада Правительствующего Сената – того самого Сената, в котором служит старый чиновник сенатор Аблеухов. Аблеухов, пишет Лихачев, — «человек, не только лишенный всякого таланта, даже чиновничьего, но и ума. Аблеухов – часть гигантского махового колеса вечно движущегося аппарата царской государственной машины. Аблеухов – вырождение Петра».

Лихачев продолжает свой анализ параллелей и противоречий у Пушкина и Белого. «Роль Евгения в "Петербурге" играют террорист Дудкин и сын сенатора Аблеухова – Николай. Сын – это не случайно. Терроризм государственный порождает терроризм индивидуальный. И если Евгений в "Медном всаднике" только угрожает Петру – "Ужо тебе!", то у Николая Аблеухова оказывается уже бомба против своего отца... Медный всадник вместо погони за Евгением по "площади пустой" грозно и комично карабкается по лестнице в каморку террориста Дудкина – каморку, напоминающую каморку Раскольникова». Лихачев комментирует: «"Прадед" навещает "правнука"».

Итак, если у Пушкина «Медный всадник», как воплощенная Государственность, исторически прав – хотя бы перед лицом разбушевавшейся стихии, и в этом смысле является гарантом Порядка перед лицом Хаоса, то у Андрея Белого в «Петербурге» «Медный всадник», напротив, сам становится провокатором Хаоса. Именно он, своим тупым давлением на Общество, провоцирует Революцию и становится разрушителем человеческого Порядка. В своих лекциях по истории русской политической философии я привожу этот пример, как русскую вариацию

традиционной политико-философской полемики на тему: откуда в Истории исходит Хаос и кто может его обуздать? Poleмика эта восходит еще к возражениям Аристотеля против «идеального государства» Платона, а в западной философии Нового времени с особой силой проявляется в полемике Джона Локка с Робертом Филмером и Томасом Гоббсом.

Из относительно более поздних русских примеров укажу еще на замечательную статью «Три столицы» любимого мной Георгия Петровича Федотова. В этой ранне-эмигрантской статье 1926 г. автор смотрит на весь петербургский период в историю России в оптике многозначности образа «Медного всадника», как его нам представил Фальконе на Сенатской площади. На взгляд Федотова, «Медный всадник» Фальконе — это образ борьбы Империи с порожденной ею культурой и ее конечным воплощением — Революцией. Федотов пишет: «Это борьба отца с сыном и нетрудно узнать фамильные черты: тот же дух системы, "утопии", "беспощадная последовательность", "западничество", отрыв от матери-земли».

Этот яркий и глубокий фрагмент (одну из вершин русской историософии Серебряного века) Федотов завершает словами: «Размышляя об этой борьбе перед кумиром Фальконе(та), как не смутиться, не спросить себя: кто же здесь змей, кто змееборец? Царь ли сражает гидру революции, или революция сражает гидру царизма? Мы знаем земное лицо Петра — искаженное, дьявольское лицо, хранящее следы божественного замысла, столь легко восстанавливаемого искусством. Мы знаем лица революционеров — как лица архангелов, опаленные печалью. В жестокой схватке отца и сына стираются человеческие черты. Кажется, что не руки и ноги, а змеиные кольца обвились и давят друг друга, и яд истекает из разверстых пастьей. Когда начиналась битва, трудно было решить: где демон, где ангел? Когда она кончилась, на земле корчились два змеиных трупа».

Итак, «Государь» Никколо Макиавелли вот уже несколько веков остается в России темой актуальнейшей; объектом споров в борьбе за понимание самой русской идентичности.

Надо, однако, добавить, что такую же роль «Государь» сыграл и для самопонимания других европейских культур.

Во Франции, например: здесь в гугенотской (и не только) литературе Макиавелли обрел репутацию едва не «дьявола» — разумеется, после Варфоломеевской ночи, затеянной итальянкой Екатериной Медичи вместе с ее главными советниками, тоже итальянцами, прямо называвшими себя макиавеллистами — флорентийцем Альбером де Гонди и мантуанцем Лодовико Гонзага (это вообще очень удобно: для формирования национальной идентичности — сбросить весь негатив на инородцев).

Другой наглядный пример — Пруссия, чей король Фридрих II Великий написал в 1739 г., еще до вхождения на престол и поощряемый Вольтером, собственный трактат о «правильном правлении» и назвал его «Анти-Макиавелли». Кстати, Король Фридрих был воспитанником французской эмигрантки, гугенотки мадемуазель де Рокуль, которая привила юному принцу не только любовь к французской литературе, но и ненависть к Макиавелли.

Главы политического трактата юного Фридриха абсолютно симметричны «Государю» Макиавелли, и, соответственно, 25-ая глава у Фридриха тоже называется

«О влиянии фортуны на дела этого мира и о том, как можно противостоять ему». (Когда в курсах философии политики есть побольше времени, мы со студентами достаточно подробно изучаем сравнительный текст). Уже в конце жизни Фридрих Великий написал новый текст, тоже известный – «Рассуждения о различных образах правления и об обязанностях государей», где уже престарелый король снова «сводит счеты» с Макиавелли. (Конечно, влияние «антимакиавеллистских» текстов Фридриха Великого в мировой политической мысли за прошедший век изрядно притупилось, так как Фридрих, как известно, стал излюбленным персонажем самого Адольфа Гитлера. Так часто бывает в истории: нарочитый морализм в политике часто становится орудием полного аморализма).

В заключение еще раз скажу, что наш русский спор о Макиавелли во многом связан с тем, что именно его «Государь» стал неким идентификационным зеркалом для споров о самой России. Далеко не первым, но, безусловно, самым ярким воплощением этого стал «Медный Всадник» Александра Сергеевича Пушкина.

(1) Кара-Мурза А.А. Формула Петра Великого. // Кара-Мурза А.А. Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии. Иваново, «Фора», 1994. С.290-291.

(2) Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.. Институт философии РАН, 1995. С. 64-65.